

Глава М2/1

— В чем, говорите, проблема? — Даша посмотрела на обеспокоенных родителей мальчика.

— Он... — Отец попытался что-то сказать, но так и не подобрал слов.

— Стал странным, — закончила мама.

— А в чем это выражается?

— Ну...

— Как-то...

— Он ведет себя как генерал какой-то! — выпалил отец. — Вот посмотрите!

Даша повернулась и посмотрела на Костю. Пятилетний мальчик сидел посреди комнаты, заполненной игрушками, и внимательно, совсем не по-детски изучал игрушечный телефон.

— Что именно вы имеете в виду?

— Я говорю буквально! Его будто подменили! Он вдруг... стал другим!

— Иногда у родителей возникает такое ощущение... — Даша хотела объяснить этот психологический феномен, но увидела удивленные взгляды и обернулась.

Костя разобрал игрушечный телефон и теперь собирал из его внутренностей что-то другое. Ловко зачистил провода и деловито скручивал их.

— Хорошо. Я с ним поговорю. Хотя обычная процедура включает предварительное собеседование...

Родители Кости уже испарились. Даша покачала головой. Она прикрыла дверь и посмотрела на мальчика. Тот, похоже, успел смастерить что-то из телефона. Динамик зашипел.

— K12, как принимаете? — Костя немного подождал и повторил запрос. Ответа, конечно, не последовало.

— Что ты делаешь? — улыбнувшись, поинтересовалась Даша.

Мальчик оценивающе осмотрел ее с ног до головы, будто решая, стоит ли с ней разговаривать, но потом отвернулся.

— K12! Ответьте! — Безрезультатно. — Усилитель бы...

— Ты не хочешь со мной разговаривать? — поинтересовалась Даша.

— Дело не в тебе, — буркнул Костя. — Без обид.

Дашу его слова несколько удивили.

— А в чем?

— Мне надо связаться со своими.

— Со своими? А кто они?

— Не могу сказать.

— Это секрет?

— Вроде того.

— Хорошо, — не стала наседавать Даша. — А что-нибудь ты можешь мне рассказать?

— Фамилию, имя, звание и личный номер, — горько усмехнулся Костя.

— Это Женевская конвенция об обращении с военнопленными?

— Что такое Женевская конвенция? — заинтересовался мальчик.

Даша стала объяснять, внимательно следя за его реакцией. Цепкий взгляд, отличная координация, невероятно сфокусированное для ребенка внимание.

— Отставить, — приказал Костя и вернулся к своей са-
модельной рации. — Неважно. K12, как принимаете?

— Ну так что? Расскажешь мне, в каком ты звании?

Мальчик снова посмотрел на Дашу. Совсем не по-детски нахмурился, а затем кивнул.

— Контр-адмирал Сато. Командующий карательным корпусом «Ишимура». Личный номер СУ 388588.

Даша кивнула в ответ, будто каждый день слышала такое от детей.

— Почему ты решил, что ты пленный?

Костя вдруг задумался. И задумался надолго.

— Моя свобода ограничена. Я не имею права покидать место заключения, не имею права выйти на связь со своими подразделениями. Живу по установленному распорядку дня. Ограничен в выборе еды. Продолжать?

— А как ты оказался в плену? — поинтересовалась Даша.

— Я не уверен... Скорее всего, во время высадки на Тау-6 мы попали под шквальный огонь и мой носитель был уничтожен. А потом... сигнал от чипа, — Костя указал себе на затылок, — был перехвачен. Так я оказался в этом теле. Обычная практика. Правда, я не знаю, откуда у сепаратистов наши ключи шифрования... Но это только предположение: память повреждена.

— И зачем тебя держат в плену?

— Чтобы получить информацию о планах карательного корпуса, — развел руками Костя.

— А ты ее не выдаешь?

— Пока нет, — посерьезнел мальчик. — Но рано или поздно я сломаюсь.

— Но тебя же не пытаются? — улыбнулась Даша.

— Физически — нет. Тут более тонкое воздействие. Психологическое. Заставить офицера носить колготки... Это болезненно, но... Или брокколи... Ути-пути, за маму... — Костя буквально закрипел зубами. — Но мы посмотрим, кто кого.

— Ты думаешь, что они специально воздействуют на тебя?

— А можно нечаянно нарядить человека в колготки? Можно нечаянно разговаривать с человеком как с умственно отсталым? «Вырастешь — поймешь». Серьезно? Можно применять двойные стандарты? Тут все понятно.

Ну и брокколи, конечно. Брокколи, между прочим, запрещена как средство пытки. Даже мы ее не применяем.

— Согласна, незавидная участь.

Примерно через час родители странного ребенка вернулись. Перед этим увлекшийся Костя долго и обстоятельно рассказывал о методах воздействия, применяемых врагами, и способах защиты. Он замкнулся, только когда в дверь постучали. Снова стал собранным и хмурым. Вернулся к своему телефону.

Даша открыла дверь и пригласила родителей войти, но те так и не переступили порог.

— Ну что? — поинтересовался отец.

— Что «что»?! — Даша тут же взяла себя в руки.

— Он... ну...

— Прекрасный ребенок, — кивнула Даша.

— А... он... — пыталась что-то сказать мать.

— Он почему-то думает, что находится в плену. Ничего страшного, но нужно работать. Такое сразу не изменишь.

— Думает, что в плену?! — ужаснулся отец.

Даша обернулась и посмотрела на Костю, монотонно запрашивающего какого-то К12. Радиостанция вдруг ответила:

— Я К12. Принимаю очень плохо. Назовите себя.

Даша почувствовала, как по позвоночнику пробежал холодок.

— Я контр-адмирал Сато! — обрадованно закричал Костя. — Прием!

— Контр... Сектор... От... — Обрывки речи потонули в шуме.

Мальчик зло швырнул радиостанцию в стену, отчего та разлетелась на части.

— Что там? — Отец заглянул через Дашино плечо.

Даша прикрыла дверь и глуповато улыбнулась:

— Он... играет... во флот... Космический, кажется.

Глава М2/II

— Я вообще не понимаю, к чему этот разговор! Просто сделайте... ну, что вы там должны делать? Вы же психолог! — возмутился мужчина.

— Саша! — одернула его жена.

— А что «Саша»?!

— Подождите. — Даша подняла руки, призывая к спокойствию. — Я понимаю ваше возмущение.

— Вот видишь! — обрадовался глава семейства и победно посмотрел на жену.

— Что «видишь»?! — всплеснула та руками. — Наш пятилетний сын считает себя адмиралом из космоса! А ты решил тут повыпендриваться?!

— Контр-адмиралом... — уточнил зачем-то Александр.

— Да какая разница?

— Большая!

Даша на секунду прикрыла глаза и подумала, что этой семье, возможно, не помешал бы родственник-военный.

— Давайте вернемся к теме разговора. К сожалению, пока я не могу дать полную оценку происходящему...

— А когда сможете?

— Саша, не перебивай доктора!

Даша помолчала несколько секунд — ровно до тех пор, пока тишина не стала несколько неловкой, — и продолжила:

— Ваш сын играет в контр-адмирала космического флота, по какому-то трагическому стечению обстоятельств оказавшегося в плену. Само по себе это не плохо, но, как я поняла, иногда он заигрывается. В результате он действует, исходя из этой роли, понимаете? И естественно, окружающим такое поведение кажется некорректным.

— Во время тихого часа в детском саду он заявил, что нарушители дисциплины должны быть уничтожены во имя Бога-Императора! — снова вставил реплику Александр. — Это вы называете некорректным?

— Это тоже, — спокойно согласилась Даша.

— Этого он от твоей мамы набрался! — вставила шпильку Марина.

«Вечно она со своей религией», — подумал Александр. Но вслух сказал:

— Она христианка! А Бог-Император — это... я даже не знаю откуда.

— Подождите, — попросила Даша. — Это может быть собирательный образ, не обязательно дело именно в бабушке.

— Вот и я о том же! Вы можете что-нибудь сделать?

— Например, что?

— Ну... исправьте... Вы же психолог, — неловко попытался пояснить мужчина.

— Саша!

— Возможно, это прозвучит грубо, но ваш сын не сломался, поэтому исправлять надо не его. Что-то пошло не так в семье в целом, понимаете? Пространство, в котором он находится... В общем, эта игра возникла не случайно. Возможно, она помогает ему защититься от давления. По крайней мере, ему кажется, что на него давят. Работа с Костей — это в лучшем случае половина дела. Нужно ваше участие, чтобы понять, что привело к такому результату, и изменить ситуацию.

— У нас нормальная семья! — возмутился Александр.

— Я не говорила, что она ненормальная. Но нормальность родителей вовсе не означает, что ребенок будет реагировать на их действия именно так, как от него ожидают, — развела руками Даша.

— Просто сделайте что-нибудь, чтобы он перестал мнить себя контр-адмиралом галактического флота!

— Тогда постарайтесь, чтобы он прекратил считать себя пленным, — парировала Даша, не сдержавшись. — Я с ним контактирую, только когда вы приходите на прием, а с вами он все остальное время. От вас потребуется не меньше, если не больше усилий, чем от меня.

— А может, просто... — начал было Александр, но осекся.

— Ага, и ваш сын точно убедится, что находится в плену, — кивнула Даша, поняв, что он хотел предложить. — Задача не в том, чтобы исправить «сломавшегося» мальчика. Необходимо, чтобы все в вашей семье могли безболезненно взаимодействовать. Каждому из вас придется приложить усилия.

Повисла тишина.

— То есть нам надо сделать так, чтобы он перестал считать себя пленным? — уточнила Марина.

— И это тоже. Исследуйте его игру, посмотрите, где именно он находит ей подтверждение. Что дает ему повод утверждать, что он пленный.

— Да хотя бы брокколи! — всплеснул руками Александр. — Ненавижу брокколи!

— А зачем вы кормите ею Костю? — не поняла Даша.

— Это же полезно? — то ли ответила, то ли спросила Марина.

— Да ты уже всю семью этим брокколи достала! — высказал претензию муж.

— Этой, — машинально поправила его Марина.

— Может, вы найдете какую-нибудь альтернативу?

— Но моя мама...

— Твоя мама не психолог! Сказали исключить брокколи, значит, исключить! — обрадовался неожиданному союзнику в борьбе против ненавистного овоща Александр.

«Это будет сложный случай», — подумалось Даше.

— Ладно, сколько нужно сеансов, чтобы он перестал... считать себя контр-адмиралом в плену?

— Не знаю, — честно ответила Даша. — Для начала надо провести пять встреч. Четыре необходимы для диагностики. А на пятой мы с вами определим дальнейшее направление работы.

— И сколько понадобится работать, когда мы определим это направление?

— Не знаю.

— Давайте так, — вздохнул Александр. — Мы придем еще пять раз, и если никаких улучшений не будет, то...

— То что? — угрожающе спросила Марина.

— То будем думать, что делать дальше, — быстро выкрутился Александр.

— Вам решать, — согласилась Даша.

Родители Кости замолчали и даже задумались.

— Ну что ж, время нашей встречи закончилось, — дежурно улыбнулась Даша.

— Да, извините! Конечно! — Супружеская пара засуетилась, спеша покинуть кабинет.

Даша устало прикрыла глаза, посидела так несколько минут, потом взяла ноутбук. Нашла файл Кости и открыла. Пробежалась глазами по тексту, припомнила важные моменты из разговора с родителями мальчика, дописала предположение: «Возможно, копирует идентичность матери. “Мама — адмирал, я буду как мама”». Потом допечатала в скобках: «Мама заставляет всю семью есть брокколи». Немного подумала и добавила: «Уточнить по Бога-Императора».

Повинуясь какому-то порыву, она отложила ноутбук, встала и подошла к двери. Приоткрыла ее и обернулась, как бы повторив свои движения при последнем визите Кости.

— Что же это было?

Даша пыталась вспомнить, что именно она услышала вчера. Не мог же пятилетний мальчик действительно собрать радиостанцию. И уж тем более ему не могли ответить. Что же она услышала?

Глава М2/III

Даша задумчиво смотрела на Костю, который неторопливо, но умело собирал радиостанцию.

— Ладно, — наконец прервала она молчание. — Давай обсудим сложившуюся ситуацию. Ты контр-адмирал Сато, командующий карательным корпусом. Из-за козней сепаратистов ты оказался в теле пятилетнего ребенка. Так?

— Так, — кивнул мальчик.

— И что ты намерен предпринять?

— Ну, мне уже удалось связаться со своими. На пару секунд, но сигнал прошел. Осталось только выяснить, где именно я нахожусь, тогда меня вытащат с этой планеты. — Костя тяжело вздохнул и отложил какую-то микросхему. — Если, конечно, у меня получится сделать стабильный передатчик и зашифровать канал связи. А из этого баракла...

Он не договорил и обреченно ткнул пальцем в гору игрушек. Даша вдруг почувствовала непреодолимое желание выпить и мысленно зафиксировала этот момент. Нужно будет уточнить, нет ли в семье пьющих.

— То есть когда ты все это сделаешь, за тобой прилетят твои, так?

— Скорее «если», чем «когда». Мне нужно нормальное оборудование.

— А почему ты собираешь радиостанцию тут?

— Больше нигде, — пожал плечами Костя. — Меня содержат либо в двухкомнатной квартире, в которой постоянно кто-то находится, либо в общей камере. Лагерь для военнопленных «Ромашка». За мной постоянно следят.

Даша нахмурилась, потом поняла, что «Ромашка» — это название детского сада.

— Ты все еще считаешь, что это подстроено? Что это чей-то план?

— Да.

Даша отметила, что он на секунду задумался.

— Ладно, давай начистоту. Твои родители напуганы происходящим.

— Они не мои родители, — спокойно возразил Костя.

— Родители мальчика, в чьем теле ты оказался, — согласилась Даша. — Они привели тебя ко мне, то есть к детскому психологу. Они пытаются понять, что случилось с их сыном.

— Со мной все в порядке, — пожал плечами мальчик.

— Я не спорю, но ведешь ты себя, с их точки зрения, весьма необычно. Например, сейчас они очень обеспокоены тем, что ты сказал своей сестре.

— Она мне не сестра, — по-прежнему спокойно возразил Костя.

— Так или иначе, есть конфликтная ситуация, понимаешь? Обычно командующие карательными корпусами не оказываются в телах детей, и поэтому от детей ждут... другого поведения.

— Это не моя проблема. — Мальчик посмотрел в глаза Даше. — Они либо смирятся, либо...

Даша не без ужаса поняла, что именно он подразумевает.

— Ты хочешь вернуться обратно?

— Конечно.

— Что тебе для этого нужно?

— Для начала оборудование. Необходимо обеспечить связь, шифрование и понять, где я. Дальше — дело времени.

— Ну смотри. Ребенку я такого, конечно, не сказала бы, но ты ведь не ребенок, так? — Даша выделила голосом этот момент и дождалась ответного кивка. — Как ты

думаешь, это все можно достать в каком-нибудь исправительном учреждении?

— Сомнительно, — вздохнул Костя.

— Понимаешь, к чему я клоню?

— Намекаешь, что если мое поведение будет сильно отличаться от общепринятого, то меня упекут в карцер и я никогда не выберусь с этой планеты.

— Можно, наверное, и так сформулировать... У тебя есть план на этот случай?

— Уйти в леса... — Костя вдруг посмотрел на свои руки, несколько раз сжал и разжал кулаки, удрученно покачал головой. — Ну почему я попал в тело мелкого бесполезного слабака?!

На секунду Даша ушла в себя. Перед глазами промелькнуло прошлое лето, когда она в составе поискового отряда провела неделю в лесу. Подросток сбежал в лес и не вернулся. Возможно, это была отчаянная попытка сохранить свою идентичность от давления извне. Такое бывает, но теперь уже не узнать.

— Наверное, для чего-то это было нужно, — сказала она раньше, чем подумала, все еще пребывая в своих воспоминаниях.

— Чтобы контролировать меня. Я все еще считаю, что это спланировано. Но ты права, мне нельзя попадать в карцер.

— Для этого тебе нужно как минимум наладить взаимодействие с окружающими, согласен?

Костя отложил микросхему и пристально посмотрел на Дашу. Она выдержала его взгляд, хоть это и стоило ей некоторых усилий.

— Мне нужно интегрироваться в местную среду. Разобраться с обычаями аборигенов. Ты мне поможешь, это и в твоих интересах.

— В общем-то, да.

— Но если ты меня предашь, то...

— Угрозы, — подняла ладони Даша, — это не лучший способ заручиться поддержкой.

— Я бы поспорил, — возразил Костя.

— Не забывай, что ты в теле мальчика. Все-таки тебе стоит исходить из тех возможностей, которые у тебя есть.

— Согласен, — кивнул Костя. — Давай заключим договор. Я помогу тебе выполнить твою работу, интегрируюсь в местное общество, а ты поможешь мне свалить отсюда.

Даша открыла рот, но все слова куда-то подевались. Она хотела обратить внимание маленького контр-адмирала на то, что «интегрироваться» и в его интересах и что договор получается несколько односторонним, но передумала. Маленькие шаги — тоже шаги.

— О какой помощи идет речь? — уточнила Даша.

— Мне нужно оборудование. Сам я его не достану.

— Я не уверена, что могу...

— Ничего особого не требуется. Я напишу список. Дай ручку и лист.

Даша почему-то не стала спорить и протянула мальчику то, что он требовал. Он принялся писать и вдруг нахмурился. Посмотрел на руку.

— Черт... Я умею писать, но вот тело... Рука не набита...

Он старательно выводил кривые уродливые буквы, потом фыркнул, отшвырнул карандаш и порвал лист бумаги на мелкие клочки.

— Что случилось? — поинтересовалась Даша.

— Сама видела!

— Что тебя так разозлило?

— Да какая разница?!

— Большая. Если ты хочешь, чтобы я помогла тебе, придется отвечать на мои вопросы.

Костя зло посмотрел на нее:

— Задавай.

— Главное, что меня интересует прямо сейчас, — где Костя? Если ты оказался в его теле, то куда делся он?

— Никуда. Он тоже тут. Перенос, очевидно, происходил с нарушением, возможен сбой шифрования либо грубый взлом.

— То есть сейчас в тебе...

— Да, маленький засранец тоже здесь. Не думаю, что я смогу от него избавиться.

— Почему ты считаешь, что Костя — бесполезный слабак?

— О, женщина, да это же очевидно! — Мальчик закатил глаза, демонстрируя, как он устал от глупости собеседницы. — Хотя бы потому, что он отдал мне свое тело.

Даша едва не ляпнула что-то вроде того, что это не Костя уступил тело, а Сато его захватил, но сдержалась, испытывая от этого гордость. И снова сделала мысленную отметку: обращение «женщина». Обесценивание?

— Как вы решали, кому достанется тело?

— Ты что, думаешь, тут какая-то битва была? В корпусе проводились сотни экспериментов с подсадкой. Ни один подопытный не смог внедриться без согласия хозяина тела.

— То есть Костя разрешил тебе занять его место?

— Скорее, был даже рад, что ему больше не придется вариться в этом котле. И я его понимаю.

Даша невольно покачала головой. Что могло заставить пятилетнего ребенка отказаться от своего же тела? Пусть и в фантазиях?

— Второй вопрос. Что должно произойти, чтобы ты понял: ты не в плену? Что случившееся — просто стечение обстоятельств?

Даша внимательно следила за реакцией Кости. Вдруг мысленно поправила себя: не Кости, а Сато.

— Скажи им, пусть отстанут от меня, и тогда никто не пострадает.

— И снова отмечу, что такое я могу сказать только взрослому. Согласен?

Мальчик снова кивнул.

— Если я так поступлю, ты рискуешь попасть в какую-нибудь лечебницу. И вопрос был не в этом.

— А в чем?! — разъярился Сато.

— Что должно произойти, чтобы ты убедился: ты не захвачен в плен? Что никто не пытается выведать секреты твоего карательного корпуса? Что никто не стремится пытать тебя и подавить твою волю?

— Пусть перестанут обращаться со мной как с военнопленным, — сказал вдруг Сато. — Чего ради заставлять меня есть, если я не хочу?

— Они просто заботятся о том, чтобы ты питался по расписанию. Это всего лишь режим.

— А кто установил этот режим? — резонно возразил Сато. — Я хочу пообщаться с этим специалистом по питанию. А, подождите-ка, его ведь не существует, не так ли? Просто эти ребята решили, что знают, как именно надо питаться. А почему же они сами так не питаются?

— То есть если тебе предоставят убедительные аргументы в пользу режима питания, то...

— Этого мало, — перебил Сато. — Дело не в аргументах и питании как таковом. Дело в двойных стандартах. Им можно то, чего нельзя мне.

— Не забывай, что ты в теле ребенка, они просто заботятся о тебе.

— Это больше похоже на попытку подавить мою волю. Если они говорят мне, что есть брокколи полезно, то пусть сами тоже едят брокколи. Польза, кстати, плохо сочетается с курением, не так ли? Но это не мешает папаше дымить хуже паровоза. Зато вот спорт очень полезен, но в этой семье нет ни одного спортсмена. Для них полезное — это «я так сказал». Чем не аргумент тюремщика?

Даша кивнула, вдруг поняв, насколько трудная предстоит работа. Как уместить контр-адмирала в ребенке?

— Они делают это неосознанно, ты же понимаешь? В любом случае: ты ребенок, они взрослые. Это нормально, что тебе можно меньше, чем им, они несут ответственность

за тебя. Вот вспомни свое детство, Сато. — Даша впервые назвала его этим именем. — Как вели себя твои родители?

— Я офицер карательного корпуса! — вдруг вспыхнул мальчик.

— Извини! — Даша подняла руки. — Я сказала что-то не то?

— У меня не было родителей!

— Ладно, но у тебя же были...

— Меня вырастили в пробирке. Я вышел из капсулы шестнадцатилетним мужиком и отправился получать форму.

Даша снова зафиксировала важный момент: уточнить настроение матери во время беременности и в первый год после родов. Скорее всего, у нее была депрессия, а значит, возникла узнаваемая параллель. Эмоциональное отсутствие мамы у Кости превратилось в полное ее отсутствие у Сато. Даша предприняла последнюю попытку.

— Ну кто-то же тебя воспитывал?

— Устав корпуса.

— А кроме устава?

— Сержант.

— Вот, например, — обрадовалась Даша и хотела развить мысль, но Сато перебил ее.

— В семнадцать лет я выбил ему зубы и переломал ребра.

— И что он сказал? — сама не поняв зачем, спросила Даша.

— Что он гордится мной. И если я не возглавлю корпус, то он насыт на мою могилу, — улыбнулся Сато.

Даша невольно клацнула зубами, но быстро взяла себя в руки и уточнила:

— А почему ты не считаешь свое воспитание издевательством и пленом?

— У такого обучения есть цель. Да, я прошел жесткую подготовку, но она сделала из меня того, кто я есть, — не без гордости ответил Сато.

Даша хотела спросить, в кого же его превратила такая подготовка, но засомневалась, что нужно делать это сейчас.

— А в нынешней ситуации цели нет? Почему это не подготовка?

— Кого? — усмехнулся Сато. — Половой тряпки, о которую любая сволочь будет ноги вытирать?

«Снова женский род в негативном контексте», — зафиксировала Даша и решила не обострять.

— Но ты ведь понимаешь, что твои родители неосознанно создают обстановку, которая кажется тебе несправедливой?

— А страдать должен я? Кстати, ты упомянула сестру. Эта клуша только и делает, что ноет. Она полдня ревела из-за того, что не нравится мальчикам. Я не шучу — часов семь! Заметь, у нас с ней одна комната!

— В ее возрасте такое бывает...

Даша не успела договорить, Сато ее перебил:

— Я просто сказал ей, что она либо начнет что-то менять, чтобы привлекать мужиков, раз уж для нее это так важно, либо будет ныть и пускать сопли всю жизнь! Сказал, что всем насрать на ее трагедию, кроме нее самой. И если она не поднимет жопу и не будет стремиться к своей цели, то содохнет старой девой. Ты бы видела реакцию родителей.

Даша прикрыла глаза и невольно улыбнулась.

— Нельзя сказать, что ты не прав в плане содержания, но... Ты бы мог сказать это в более... приемлемой, деликатной форме.

— А что тут неприемлемо? — искренне удивился Сато.

— Я имею в виду, это звучит очень грубо, понимаешь?

— Нет.

И он действительно не понимал. Даша усмехнулась. Это будет непросто.

— Ладно. В любом случае, если ты хочешь интегрироваться в местное общество, тебе нужно научиться действовать менее прямолинейно.

— Менее прямолинейно — это то, что вы называете социально допустимым уровнем вранья? — скривился Сато.

— Ну, например... — Даша в очередной раз отбросила мысль о том, что дети так не разговаривают, и сменила тему: — Ты любишь рисовать?

— Не пробовал. — Такой ответ в этом кабинете прозвучал впервые.

— Предлагаю попробовать. — Даша улыбнулась и поняла, что допустила ошибку. Улыбнулась она ребенку, а не контр-адмиралу.

— Предложение отклонено, — холодно отрезал Сато.

— Так, ладно. Если ты хочешь интегрироваться в общество, мне нужно проанализировать тебя.

— Просто расскажи мне об обычаях аборигенов и не лезь в мою голову, женщина, — приказал Сато.

— Так не получится, — покачала головой Даша. — Это терабайты информации, которые в обычных условиях ребенок впитывает, находясь в культурном контексте. Он не сопротивляется, в отличие от тебя. Я не могу научить тебя всему, но могу понять, какие твои поступки будут считаться явным отклонением от нормы. Понимаешь? И работать нужно с тем, что окажется самым проблемным.

Сато внимательно изучил выражение ее лица, потом спросил:

— Для этого обязательно рисовать?

— Ну, можешь еще поиграть в игрушки. Не забывай, что ты в кабинете детского психолога. Детского!

Сато отвел взгляд и беззвучно ругнулся.

— Хорошо, давай бумагу.

Он принялся за рисунок. На глазах Даши на белом листе появилось уродливое озеро среди страшных скалистых гор. На малюсеньком участке неба возникло два солнца разного размера. Сато подумал немного, потом криво, как-то нервно заштриховал озеро красным карандашом.

Даша рассматривала рисунок, Сато рассматривал ее. Даша автоматически отмечала моменты, которые нужно будет проверить. Возможно, проблемы с матерью, попытка опираться исключительно на мужчин. Нужно уточнить.

— Ну что? — поинтересовался Сато. — Я латентный гомосексуал?

Даша прыснула, отметив тем не менее недетский юмор, но быстро взяла себя в руки.

— Вроде нет. А ты хочешь поговорить об этом?

— Нет.

— А почему озеро красное? Это закат или...

— Это кровь, — спокойно ответил Сато. — На этом озере я приказал расстрелять две дивизии пленных сепаратистов.

Даша почувствовала, как ее улыбка застывает.

Глава M2/IV

Сато медленно, ощущая предательскую дрожь в руках, оттолкнулся от пола. Все тело тряслось, сил не хватало даже на несколько отжиманий. Тяжело дыша, он сел на колени и поводил плечами. Взгляд его уперся в стул, заваленный одеждой сестры. Бесформенная куча барахла делала этот предмет мебели похожим на уродливого монстра. Сато безглаголиво поморщился.

— Костя! — взревела на всю квартиру Марина. Видимо, звала она его давно, но он так и не привык к этому имени. Какое-то бесхребетное слово, щенячье.

В комнату заглянул Саша. Он посмотрел на сына, сидящего на полу, и произнес:

— Тебя мать зовет, ты оглох, что ли?

Сато ничего не ответил, просто встал и повернулся к нему.

— Иди ужинать.

— Я не... — Он хотел сказать, что не голоден, но решил не усложнять ситуацию. — Иду.

Сато прошел по коридору и свернул в ванную. Тщательно вымыл руки, умылся. Подвинул табуретку, встал на нее и посмотрел в зеркало. Увы, он в очередной раз не увидел привычного лица. Мальчик в зеркале вызывал скорее жалость, чем страх.

— Костя, ты там утонул? — поинтересовалась Марина.

Сато чуть не ответил «да». Он слез с табуретки и прошел на кухню. В ней едва помещались угловой диван, стол и два стула.

Саша занял свое «бабкино» место, Марина хлопотала у плиты, а сестра лениво ковырялась в тарелке, сидя на

диване слева от отца. Пахло чем-то овощным. Опять. Сато занял место на краю дивана, подальше от сестры. Перед ним тут же возникла тарелка супа. Первое, что бросилось в глаза, — огромный кусок вареной моркови.

— Как в школе? — не отрываясь от смартфона, поинтересовался Саша у дочери.

— Нормально, — ответила Лиза.

— Что «нормально»? — отвлеклась от плиты Марина и ткнула в сторону дочери половником. — У вас скоро четвертные выставят. Что у тебя по английскому?

— Три, — ковыряясь в тарелке, ответила Лиза.

— Да почему три? — всплеснула руками Марина, обрызгав Сашу каплями супа. — Мы с тобой полночи сидели с этим английским! Все домашние задания переделали!

— Я не знаю. Галина Васильевна сказала: «Три».

— А ты не могла спросить почему?

— Забыла.

— Что значит «забыла»?! — снова махнула половником Марина. — Ну что значит «забыла»?! Так и скажи, что тебе плевать! Что учиться ты не хочешь, что после школы пойдешь побираться! Или того хуже!

Сато представил, что будет, если она действительно так скажет.

— Я исправлю, — затанула вечную волынку Лиза.

— Да ты тысячу раз это говорила!

— Может, ты мне поесть положишь? — вставил реплику Саша.

— На! — Марина сунула ему в руку половник. — Не маленький, справишься!

Саша не стал спорить. Встал из-за стола и достал из шкафа тарелку.

— Ну вот когда ты за ум возьмешься?! — не утихала Марина. — Когда ты начнешь учиться?

— Не сутулься, — обратился вдруг Саша к Сато. — И ешь с хлебом.

— И морковку ешь, — поддакнула Марина. — Это полезно. Особенно для мальчиков.

Сато заставил себя прожевать отвратительный овощ и не без труда проглотил. Если делать это быстро, не так уж противно.

— А у тебя как дела? — снова уткнувшись в смартфон, поинтересовался у него Саша.

— Нормально.

— Ну что тыечно свинячишь! — Марина подняла тарелку мужа и протерла под нею.

Саша это проигнорировал.

— Как в садике?

— Нормально, — ответил Сато.

— Нормально, нормально, — передразнил его глава семейства. — Ну расскажи хоть что-нибудь.

— Спасибо, — буркнула сестра, нечаянно переключив внимание на себя.

Лиза отставила пустую тарелку и стала выбираться из-за стола.

— Уроки сделала?

— Угу.

— Точно?

— Да точно, мам!

— Приду и проверю!

Сато замешкался, выпуская сестру из-за стола, за что схлопотал пинок коленом. Среагировал он быстрее, чем подумал. Лиза получила звонкую пощечину и, конечно, сразу же разревелась. Марина открыла рот, даже Саша оторвался от смартфона.

— Ты зачем ее ударил?! — Марина подскочила к дочке и обняла ее. — Это же твоя сестра!

— Она первая начала.

— Даже если так, — изобразил главу семьи Саша. — Девочек бить нельзя.

— А меня можно? — фыркнул Сато и посмотрел в глаза отцу.

Тот, очевидно, не ожидал встретить во взгляде сына такую холодную ярость, поэтому растерянно оглянулся на жену, будто ища поддержки. Сато улыбнулся — едва заметно, одними лишь уголками губ.

— Так! — Марина отстранилась от дочки. — Оба хороши! Миритесь — или будете наказаны.

Сестра скривилась и, понимая, что просто так улизнуть не получится, лениво раскинула руки для объятий. Сато не пошевелился.

— Костя! — строго сказал оправившийся от морального нокдауна глава семейства. — Нужно уметь признавать свои ошибки. Помирись.

Ошибки Сато не видел. Маленькая стерва получила по заслугам. Он поставил ноги на ширине плеч, скрестил руки за спиной и приподнял подбородок. Марина и Саша переглянулись.

— Так, товарищ контр-адмирал, — обратился к сыну Саша.

Сестра прыснула, но под строгим взглядом Марины затихла.

— Я бы на вашем месте соблюдал статьи устава. Девочек бить...

— Устав карательного корпуса предписывает незамедлительно подвергнуть пыткам, а после этого расстрелять любого, посмевшего поднять руку на офицера высшего командного состава, — отчеканил Костя. — Без суда и следствия.

На кухне повисла Тишина. С большой буквы. Марина молча подтолкнула Лизу к выходу, и та с удовольствием покинула кухню.

— Я сейчас твою задницу ремнем расстреляю, — пригрозил глава семейства.

Сато широко улыбнулся и вновь с вызовом посмотрел ему в глаза.

— Саша! — рывкнула Марина.

Непонятно, что именно смутило Александра: ее окрик или наглая улыбка сына.

— Так, иди к себе в комнату, я с тобой потом поговорю.

Марина подтолкнула Сато к выходу. Он не протестовал. Дверь на кухню закрылась, за нею разгоралась ссора. Почему-то родителям казалось, что если ругаться шепотом, то никто не услышит.

— Да он просто обалдел от вседозволенности! — пояснял Саша. — Меня в его возрасте за такое пороли!

— И что?! Хорошее что-то из тебя вышло?! Да ты хоть понимаешь, что он больной?! Мы его будем водить к психологу и пороть?

— Да не нужен ему никакой психолог! Только деньги зря переводим! Его на место поставить надо! Контр-адмирал он, видите ли!

— Ну, в семье нужен мужик! — нашла неожиданный аргумент Марина. — И мне уже надоело им быть!

Сато остановился у двери их с сестрой комнаты. Скорее всего, его ждет засада. Лиза — существо довольно мстительное.

Дверь кухни распахнулась, и в коридор вышел Саша. Он быстро протопал к прихожей, на ходу то ли специально, то ли нечаянно толкнув сына, и принялся обуваться.

— Ну и вали! Как всегда! — бросила ему вдогонку Марина.

Сато хмыкнул и вошел в комнату. Кажется, он нащупал стратегию.

Глава М2/V

Саша надел куртку и вышел на балкон. Лицо сразу же приятно защипало от мороза.

— Холодно там? — спросила Марина с кухни.

— Градусов двадцать точно. — Саша был убежден, что умеет определять температуру по ощущениям. Например, если сопли в носу прихватывало — то за двадцать пять, если дышать холодно — это уже около тридцати.

— Косте крикни, пусть домой идет. Заболеет опять.

Саша не стал ничего говорить. Достал сигарету и принялся искать глазами сына. Во дворе толпилась детвора. Мальчишки и девчонки сбились в две тесные кучки и что-то обсуждали. Саша посмотрел на лавочки, где обычно сидел Костя, как правило, не принимающий участия в общих играх, но на привычном месте сына не обнаружил.

— Начинаем! — разлетелся по двору звонкий мальчишеский голос.

Кучки рассыпались, и дети стали закидывать друг друга снежками. Судя по всему, тот, в кого попали, должен был сесть и ждать конца баталии. Даже с учетом того, что половину попаданий дети не замечали или просто игнорировали, правая банда, состоящая в основном из мальчиков постарше и вообще без девочек, явно доминировала.

Битва закончилась. Левая группа понуро поднималась со снега.

— Давайте еще раз! — Саша с удивлением узнал голос сына, разнесшийся по двору.

Костя, как и ожидалось, оказался в левой группе. Где собрались аутсайдеры и девчонки. Дети снова скучковались.

— Ну что там? — Марина вышла на балкон.

— Смотри. — Саша показал пальцем на сына.

— Куда?

— Да вон Костя стоит, видишь? В центре круга. Что-то объясняет остальным.

Костя будто бы инструктировал свою команду, уверенно при этом жестикулируя. Но вдруг замер и повернулся к одному из мальчишек. Кажется, прислушался к его мнению.

— Надо домой звать, — покачала головой Марина. — Простудится.

— Подожди, — не отрывая взгляда от происходящего, попросил Саша.

— Подождать, пока заболит?! — вдруг ни с того ни с сего завелась супруга. — Ты его потом по врачам таскать будешь?!

— Успокойся... — Саша хотел сказать что-то еще, но прервался. — Ой...

Костя, не дослушав мнения оппонента, коротко и немного неловко ткнул его кулаком в нос. Мальчик такого не ожидал, плюхнулся на задницу и заныл. Костя продолжил инструктаж.

— Так, надо это прекращать. — Марина набрала воздуха в грудь, чтобы крикнуть, но Саша ее остановил.

— Подожди.

Что-то в его тоне заставило супругу послушаться.

— Замерзнешь, — буркнул Саша и накинул жене на плечи свою куртку.

Марина положила голову мужу на плечо и стала наблюдать за происходящим.

— Погнали! — снова крикнул кто-то из правой группы. Дети рассыпались и начали лепить снежки.

— Собрались! — пронесся по двору голос Кости.

Марина и Саша переглянулись. Команда аутсайдеров преобразилась. Они сжались еще плотнее. Но не просто столпились, а... образовали строй?

В первом ряду оказались четверо полных, неуклюжих и более-менее рослых мальчишек. Вторым рядом встали три

мальчика и бойкая девочка. Причем на левом фланге, судя по всему, оказался левша. Бойцы второго ряда одну руку положили на плечо стоящих впереди, вторую зачем-то протянули назад. Совсем мелкая детвора стала кривым подобием третьего ряда. Малыши стали лепить снежки и вкладывать их в протянутые из предыдущего ряда руки. Но все это заняло время, да и плотность «огня» у команды аутсайдеров хромала. Весь первый ряд мгновенно получил по несколько попаданий снежками. Как и положено, некоторые ребята выбыли из игры, но не просто уселись на снег, а опустились на одно колено, формально правил не нарушив.

И тут Саша понял замысел. Высокорослый и неуклюжий первый ряд — всего лишь живой щит. Немногочисленные, но очевидно лучшие в команде снайперы второго ряда укрывались от снежков противника и неторопливо выбивали рассеянных по пустырю врагов. Даже не тратя времени на лепку боеприпасов.

— «Игра Эндера» какая-то! — улыбнулся Саша.

— Что? — не поняла Марина.

— Да так, не забивай голову.

Тем временем правая группа поняла свою ошибку, но не успела скоординироваться. Кто-то попытался обойти малышей с фланга, кто-то стал метать снежки навесом, создавая что-то вроде минометного огня. Но было поздно. Снайперы из второго ряда выкосили всех бойцов противника, кто был в зоне поражения, а от бросков более сильных и, как следствие, более дальнобойных противников укрывались за первым рядом, при необходимости смещая его вперед (для этого и клали руку на плечо впереди стоящего).

Костя наблюдал за происходящим, сложив руки за спиной и расставив ноги. Периодически недовольно морщился.

— Так нечестно! — закричал кто-то из правой команды. — Читаки!

Игра прервалась. Началось выяснение правил.

— Это что было? — уточнила у мужа Марина.

— Это наш контр-адмирал разгромил сельское ополчение, — хихикнул Саша.

Толпа детей что-то гомонила. Обе команды настаивали на своей трактовке правил.

— А что, если... — Марина не решилась завершить фразу, но муж ее, конечно, понял. Понял и ничего не ответил.

Дети тем временем пришли к какому-то согласию, и группы снова разошлись. Костя вновь начал инструктаж.

— Я пропустил, они что решили?

— А? — не поняла Марина.

— Ну, можно прикрываться погибшими или нет?

— Не знаю, — отмахнулась Марина, с интересом наблюдая за развитием событий.

— Начали! — уже третий раз прозвучал сигнал.

Правая группа на этот раз действовала осторожнее. Не кинулась врассыпную, стремясь поскорее выбить как можно больше бойцов команды противника, а неторопливо разбрелась, приглядываясь к их действиям. Группа бывших аутсайдеров, напротив, сразу после сигнала рванула в разные стороны. Точнее, в двух направлениях — направо и налево. Они растягивались цепью вокруг двора.

— Это они окружают? — уточнила Марина.

— Наверное, — пожал плечами Саша.

Тактика казалась проигрышной. Большая часть левой группы состояла из бойцов младшего возраста, в то время как правые все же были постарше и снежки кидали лучше.

Хитрость стала очевидной буквально через полминуты, когда полетели первые снаряды правой группы. Рассредоточенная по краям двора, она жалась к машинам, припаркованным у дома. От снежков начала срабатывать сигнализация автомобилей. Сбитые с толку и напуганные мальчишки старшего отряда упустили момент, когда мелюзга рванула в контратаку и выбила часть их команды. Судя по всему, правила все-таки изменили, и теперь выбитые покидали поле боя, а не оставались на нем.

Саша с интересом наблюдал. После неожиданного наскока ребята должны были откатиться обратно. Но мелюзге не хватило дисциплины, чтобы все сделать правильно. Азарт не позволил им вовремя отойти. В итоге они потеряли не меньше бойцов, чем противник. Но даже такой размен их устраивал.

— Назад, выродки! — заорал Костя. Голос его сорвался, и получился скорее истеричный визг, чем грозный рев.

— Костя! — заорала Марина так, что все игроки прекратили сражение и посмотрели на нее. — А ну домой!

Единственным во всем дворе, кто никак не отреагировал на этот рев, был именно Костя. Даже Саша поймал себя на желании забиться в квартиру, и поскорее. Мальчик же по-прежнему рассматривал поле боя, сложив руки за спиной.

Саша заметил, как из подъезда вышла женщина в накинутой на плечи куртке. Она быстрым шагом двигалась в сторону Кости, а за собой за руку, словно на привязи, тащила мальчика, недавно получившего по носу.

— А ну-ка, ты! — Она ткнула пальцем в Костю. — Это ты его ударил?!

Женщина указала пальцем на своего сына. Костя повернулся, посмотрел на разъяренную мамашу, на ее сына и спокойно кивнул.

— Если ты еще раз хоть пальцем его тронешь! Я тебе сама нос разобью! Ты понял?! — Женщина буквально нависла над Костей.

Но тот сохранял спокойствие. Происходящее скорее удивляло его, чем пугало.

Саша получил в бок локтем и удивленно посмотрел на жену.

— Скажи ей! Ну! — потребовала Марина.

— Но... Он же правда его... — Саша прервал фразу, увидев, что жена скривилась. Она сказала в его адрес что-то обидное — что именно, он не разобрал.

— А ну не ори на моего сына! — рявкнула Марина не на шутку разошедшейся мамаше, при этом оглушив Сашу, к которому полностью утратила интерес.

— Тогда воспитывай его нормально!

— Поучи меня!

— И поучу!

Саша тихонько вышел с балкона, не желая присутствовать при женской склоке, и даже не заметил пристального взгляда сына.